

«Священная правда войны»

2–3

Шел за Христом, не сворачивая

4–5

Национальной идее России быть!

6–7

Вечная Россия Ильи Глазунова

8

АЛТАРЬ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Собор Воскресения Христова – главный храм Вооруженных Сил России – возведен по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, при поддержке Президента России В.В. Путина и особым попечением министра обороны Российской Федерации С.К. Шойгу в подмосковном парке «Патриот», в Кубинке, и «посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также ратным подвигам русского народа во всех войнах».

■ Храмовый комплекс – место глубоко символичное. Здесь в годы Великой Отечественной войны проходила линия обороны Москвы, отсюда в конце декабря 1941 года Красная Армия начала свое контрнаступление и войска вермахта повернули вспять.

■ После войны во время раскопок здесь был найден гранитный верстовой столб, от которого началось движение советских войск на Запад. Он долгие годы хранился в Музее Вооруженных Сил, а теперь вернулся на свое историческое место.

■ Главный двухъярусный храм Вооруженных сил России спроектирован в монументальном русско-византийском стиле.

■ Высота звонницы храма составляет 75 метров – в ознаменование 75-й годовщины Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

■ Высота храма вместе с крестом на центральном куполе составляет 96 метров – в 960 году родился равноапостольный князь Владимир, в честь которого освящен нижний храм. Он третий по высоте православный храм в мире после Храма Христа Спасителя в Москве (103 метра) и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге (102 метра).

■ Купола пятикупольного крестообразного храма подобны древним традиционным шлемам русских былинных воинов. На центральном, напоминающем шлем благоверного князя Александра Невского, изображен Архистратиг Михаил – предводитель Небесного воинства.

■ Диаметр барабана главного купола составляет 19,45 метра, а диаметр самого купола – 22,43 метра. В нем будет восемь окон. В этих цифрах – точное время подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии – 8 мая 1945 года в 22 часа 43 минуты.

■ Высота малого купола храма – 14,18 метра, что соответствует 1418 дням и ночам священной войны с фашистской Германией.

■ В ансамбле храма представлены 18 колоколов. Их общий вес составляет более 22,3 тонны, а самый большой из них – «Благовестник» – весит десять тонн. На нем изображено 16 медальонов – ключевых сражений Великой Отечественной войны. На других колоколах – иконы покровителей русского воинства, а также отражена тема победы советского народа в войне.

■ Кованые ворота на территорию комплекса, символизирующие врата в Царствие Небесное, выполнены в форме разомкнутого тернового венца, свидетельствующего о жертвенном служении воинов.

■ Для ступеней центрального входа и чугунных плит храма использовался металл из переплавленного трофейного оружия вермахта, хранившегося на складе Министерства обороны России.

■ В основании храма вбито 435 буронабивных свай, длина каждой из которых – 15 метров. Сумма цифр 4+3+5 равняется 12, что соответствует числу апостолов, а 15 – указывает на 150-ю стрелковую дивизию, воины которой водрузили 30 апреля 18945 года Знамя Победы над Рейхстагом.

■ На фасаде храма установлено 29 скульптур. Из них 4 скульптуры евангелистов, а 8 скульптур святых воинов символизирует такое же число кампаний Великой Отечественной войны.

■ На порталах северных и южных врат будут изображены 36 памятных медалей, по 9 в каждом портале. Это будет символизировать кампании Великой Отечественной и Советско-японской войн, в честь наиболее

значимых побед армии и флота.

■ Площадь мозаики в интерьере Главного храма составит 2644 квадратных метра, что соответствует числу полных кавалеров Ордена Славы. Высота мандорлы – 11694 метра, ровно столько участников Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза.

■ В иконостасе храма – 48 икон, по числу месяцев боевых действий в Великой Отечественной и Советско-японской войнах.

■ Инкрустация из 431 драгоценного и полудрагоценного камня в иконостасе символизирует 431 стрелковую дивизию, числящуюся в Красной Армии к моменту окончания Великой Отечественной войны.

■ В главном храме четыре придела, каждый из которых посвящен одному из святых покровителей родов войск: святой великомученицы Варвары – покровительницы Ракетных войск стратегического назначения, святого Андрея Первозванного – покрови-

теля Военно-морского флота, святого Александра Невского – покровителя Сухопутных войск и святого пророка Божия Илии – покровителя Воздушно-космических сил и Воздушно-десантных войск.

■ Потолок храма украсят витражи на площади в 1418 квадратных метров, на которых будут изображены 40 орденов и знаков ордена имперского, советского и российского периодов истории нашей страны.

■ Главная икона храма «Спас Нерукотворный». Образ Спасителя помещен в бронзовый складень и окружен иконами Божией Матери Казанской, Владимирской, Смоленской и Тихвинской, размещенными на художественных рельефах, которые изображают знаковые события в истории Российского государства.

■ Доски для иконы храма сделаны из старинного орудийного лафета пушки времен Петра I, поднятого со дна Невы, и дерева из приклада винтовки Мосина – основного стрелкового оружия советской пехоты в Великой Отечественной войне.

■ В храме установлены шесть антикварных икон и два антикварных иконостаса.

■ Стены храма украшены горельефами и мозаичными панно, посвященными основным сражениям и событиям Великой Отечественной войны.

■ Нижний храм в честь равноапостольного великого князя Владимира украшен мозаикой, керамической отделкой и живописью. Его пол покрыт природным камнем и высокохудожественным лагунным литьем.

■ Впечатляет палитра природных материалов, использованных строителями: желто-зеленая бронза, природный камень и витражи, передающие цветовую гамму армейского камуфляжа.

■ На территории комплекса создана галерея «Дорога памяти» длиной 1418 шагов в ознаменование общей продолжительности войны. На стенах галереи с помощью технологии микрофотографии разместятся десятки миллионов фотографий участников войны. К ее открытию уже было собрано свыше 33 млн фотографий воинов.

■ У основания «Дороги памяти» насыпана земля, взятая во всех странах с воинских захоронений советских бойцов, павших на полях Второй мировой войны.

■ Площадь храмового комплекса – 11 тыс. кв. метров. Вместимость внутреннего помещения храма – до 6 тысяч человек.

■ Храм строился на народные пожертвования, прежде всего, военнослужащих и членов их семей, и бюджетные средства Москвы и Московской области. Сумма пожертвований на строительство храма превысила три миллиарда рублей.

Парк «Патриот» – колоссальный выставочный, музейный и военно-патриотический комплекс министерства обороны Российской Федерации, включающий в себя, кроме самого храма, несколько полигонов, аэродром, выставочную площадку и деревянный макет Рейхстага.

«ПРАВДА ВОЙНЫ»

24 июня 2020 года в Москве состоялся военный парад в ознаменование 75-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Дата проведения парада, 24 июня, приурочена к годовщине исторического Парада победителей на Красной площади в 1945 году.

Для участия в торжественных мероприятиях в Москву прибыли президенты Абхазии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Сербии, Таджикистана, Узбекистана, Южной Осетии, член Президиума Боснии и Герцеговины от сербов.

В параде приняли участие 14 тысяч военнослужащих, свыше 200 единиц военной техники, 75 самолетов и вертолетов. В составе пехотной колонны по Красной площади прошли маршем более 40 расчетов, состоящих из военнослужащих соединений Вооруженных сил России, а также расчеты из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Туркмени, Узбекистана, Китая, Монголии и Сербии.

В числе почетных гостей парад посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Из обращения Президента России В.В. Путина к гражданам России, ветеранам, зарубежным гостям, участникам парада:

«Поздравляю вас с 75-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне! По-

беда, которая определила будущее планеты на десятилетия вперед и навсегда осталась в истории как самая грандиозная по своему масштабу, значению и по духовной, нравственной высоте.

В этом году традиционные торжества в честь Победы проходят в России 24 июня. Ровно 75 лет назад в ознаменование окончания Великой Отечественной войны здесь, у стен Кремля, состоялся легендарный парад победителей.

Этот парад остался в истории как триумф невиданной силы, как торжество добра над злом, мира над войной, жизни над смертью. От имени всех защитников Отчизны с презрением были брошены на площадь поверженные знамена и штандарты нацистов как знак справедливого возмездия и сурового предупреждения.

По Красной площади прошли сводные полки фронтов и флотов. И в их чеканном, стальном марше незримо присутствовали все, кто отважно, не жалея себя бился за Родину, кто с Победой вернулся домой, и миллионы воинов, навеки оставшихся на полях сражений.

Сегодня мы склоняем головы перед светлой памятью всех, кто не пришел с войны, перед памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, однополчан, родных и друзей. Скорбим о ветеранах, которые уже ушли от нас.

Мы всегда будем помнить, что нацизм сокрушил – советский народ, миллионы людей разных национальностей из всех республик Советского Союза.

На фронте и в тылу, в партизанских отрядах и в подполье они боролись и трудились по законам мужества и единства. Отстояв свою землю, продолжали сражаться. Освободили от захватчиков государства Европы, положили конец страшной трагедии Холокоста, спасли от нацизма, от его смертоносной идеологии народ Германии.

И невозможно даже представить, что стало бы с миром, не встань на его защиту Красная Армия.

Ее солдатам не нужны были ни война, ни другие страны, ни слава, ни почести. Они стремились добить врага, одержать Победу и вернуться домой. И заплатили за свободу Европы невозможную цену: многие сотни тысяч бойцов полегли на чужбине.

Наш долг – помнить об этом. Помнить о том, что на советский народ пришла основная тяжесть борьбы с нацизмом.

В 1941 году свыше 80 процентов вооруженных сил Германии и ее спутников были сосредоточены против СССР. Но эта безжалостная армия оказалась бессильной перед сплоченностью советских граждан.

Именно наш народ смог одолеть страш-

ное, тотальное зло, разгромил более шестисот дивизий врага, уничтожил 75 процентов от общего числа самолетов, танков, артиллерийских орудий противника и до конца, до победной точки прошел свой героический, праведный, беспрельюдный путь.

В этом и состоит главная, честная, ничем не замутненная правда о войне. Мы обязаны ее беречь и отстаивать, передавать нашим детям, внукам и правнукам. Сегодняшний военный парад – в честь этой священной правды, в честь выдающегося поколения победителей, которые определили исход всей Второй мировой войны.

Рады приветствовать наших друзей, гостей из разных стран, приехавших в Москву, чтобы отдать дань уважения всем, кто отстоял мир на планете.

Мы никогда не забудем вклад наших союзников в приближение победы, значение второго фронта, открытого в июне 1944 года. Читм отважных бойцов вооруженных сил всех государств антигитлеровской коалиции, подвиг всех борцов с нацизмом, которые бесстрашно действовали в странах Европы.

Мы знаем и перед лицом тех вызовов, с которыми сталкивается сегодня планета, по-особому остро чувствуем, какая это величайшая ценность – человек, его мечты, радости, надежды, мирная, спокойная, сози-

Да, в последние годы эту фразу можно встретить на автомобильных наклейках, хозяева которых вряд ли служили в армии. И еще неизвестно, как себя поведут, если придется «повторять». Но в этой старческой экзпрессии было столько силы, воли и Правды, что несколько не сомневайтесь – он сможет.

И те, кто чеканил шаг по брусчатке Красной площади, смогут. Потому что слеплены из того же теста, воспитаны на тех же книгах и фильмах, росли на примерах героического прошлого своих предшественников. Мало научить воевать. Нужно привить боевой дух – дух Победителя. Не случайно на этом параде шла «коробка» 104 гвардейского парашютно-десантного полка, 6 рота которого погибла, но не отступила на высоте 776 в Чечне. Потому что не учили поворачиваться к врагу спиной или вставать перед ним на колени.

Парад в России – давно больше чем парад. И нынешнее торжество точно войдет в историю. Речь здесь не только о символизме, хотя его в сегодняшнем дне – с горкой. Ведь в эти дни мы празднуем, если победу не в войне, то в битве с невидимым врагом. Против которого в «красную зону» шли добровольцы. И погибли.

Но сегодняшний Парад Победы очень ярко показал преемственность традиций

ратной доблести, которая передается из поколения в поколение. А священность самого действия, которое объединяет в этот день даже непримиримых врагов, заставляет на короткое время позабыть о расприх и разногласиях.

И вот, согласно букве алфавита, по Красной площади чеканят шаг бойцы миротворческой бригады Азербайджана. А сразу за ними – парадный расчет Армении. Вслед за тремя видами индийских вооруженных сил – почетный караул Народно-освободительной армии Китая. Где бы еще они встретились с оружием в руках без желания его применить?

Люди недалекие называют наш парад «торжеством военизации», хотя в него заложен совсем обратный смысл. Который и был продемонстрирован 24 июня 2020 года. Это в первую очередь сакральный символ того, что объединяет и примиряет, а не убивает. Дать памяти как ветеранам-фронтовикам, так и их достойным преемникам. И напутствие будущим поколениям быть достойными своих предков. И если бы не коронавирус, этот парад все равно стоило бы провести именно в этот день, когда в 1945 году еще живые Победители поставили точку в страшной войне, бросив к кремлевским стенам гитлеровские штандарты».

дательная жизнь.

Понимаем, как важно укрепление дружбы, доверия между народами, и открыты для диалога и сотрудничества по самым актуальным вопросам международной повестки.

Среди них создание общей надежной системы безопасности, в которой нуждается сложный, стремительно меняющийся современный мир. Только вместе мы сможем защитить его от новых опасных угроз.

Сегодня ветераны Великой Отечественной войны живут в разных странах. Но невозможно разделить их единый, великий подвиг спасения целых народов от гибели, варварства и порабощения. Этот подвиг безо всякого преувеличения является достоянием всего человечества.

Наша благодарность вам, дорогие ветераны, безмерна. Своей жизнью, своей судьбой вы доказали, как важно уметь защищать ценности мира, гуманизма и справедливости.

Мы делаем все, что от нас зависит, чтобы память о ваших героических свершениях никогда не померкла. Это долг нашей совести и нашей ответственности перед настоящим и будущим. Слава поколению, победившему нацизм! Слава героям Великой Отечественной войны!»

После парада Президент России совместно с главами государств, прибывшими в Москву на праздничные мероприятия в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, возложил цветы к Могиле Неизвестного солдата в Александровском саду.

Из слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла после возложения венка от Русской Православной Церкви к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены:

«Победа досталась нашему народу путем положения на алтарь Отечества многих и многих человеческих жизней. Но через эту жертву, принесенную в первую очередь воинами Отечества нашего, мы обрели надежный мир и свободу. У нас есть будущее только потому, что в прошлом наши отцы и деды завоевали для нас такую возможность.

Мы должны оставаться достойными того героического поколения, которое завоевало свободу. Пусть Господь благословляет Вооруженные силы, Отечество наше и каждого, кто посвятил свою жизнь служению ему!»

Почему юбилейный Парад Победы станет историческим в статье спецкора «Комсомольской правды» А. Коца, с мнением которого нельзя не согласиться.

«Одно из самых сильных впечатлений от Парада Победы – пожилой ветеран, который сидел за Владимиром Путиным, по правую руку от него, когда президент произносил свою речь. «Уничтожил 75 процентов от общего числа самолетов, танков, артиллерийских орудий противника...» – перечислял Верховный Главнокомандующий.

А седовласый фронтовик в сером костюме в этот момент на заднем плане в знак согласия и поддержки потрясал рукой. Этот жест означал одно: «Можем повторить!».

ШЕЛ ЗА ХРИСТОМ, НЕ СВОРАЧИВАЯ

1 июня 2020 года на 90-м году жизни отошел ко Господу митрополит Чувашский и Чебоксарский Варнава. В годы своего архипастырского служения, несмотря на большую занятость, владыка неизменно находил время для участия в мероприятиях, проводимых Движением, словом и делом поддерживая инициативы, направленные на духовное оздоровление народа, нравственное и патриотическое воспитание молодежи. Вместе с паствой мы скорбим о кончине мудрого и любящего отца, неустоимого труженика на ниве Божией. Вечная память Вам, дорогой владыка!

300 лет в роду владыки Варнавы почитание за поколение служили у престола Божия. Деда-священника репрессировала советская власть, он погиб в ГУЛАГе. Отца арестовали всего за четыре дня до уже назначенной хиротонии. Пришли и за мамой. «Но ее не смогли арестовать, — рассказывал потом владыка Варнава, — потому что мама в этот момент рожала меня». Отец, как и дедушка, стигнул — вестей от него больше не было. Вдова осталась с четырьмя детьми на руках. Жили впроголодь. Приходилось и побораться. Только вера и спасала. А еще — молитва. Скольких людей за десятилетия своего служения у престола Божия владыка спас ею и своим живым примером для жизни вечной! Своего архипастыря-отца вспоминают клирики Чувашской епархии.

«Я ВСПОМНИЛ, КАК ГОСПОДЬ СТРАДАЛ, И МНЕ БЫЛО СОВСЕМ НЕ БОЛЬНО»
Протоиерей Николай Иванов, секретарь Епархиального управления, настоятель Покровско-Татианинского собора г. Чебоксары:

— Знаю владыку Варнаву более 25 лет. Был келейником, потом секретарем. Владыка за все это время ни разу не был в отпуске, чтобы, как мы привыкли, отдохнуть. Ездил только в Иерусалим, но в этом паломничестве служил по возможности каждый день.

Святой град Иерусалим он очень любил. Все Патриархи, епископы его там знали, любили. Где ни попросит послужить, всюду разрешали. Хотя не всем архиереям так всюду на Святой Земле все двери открываются.

Владыка — молитвенник. Всегда читал утреннее и вечернее правило. Всех, кто приходил к нему, — принимал. Не смотрел ни на сан, ни на звание, ни на положение в обществе. Принимал любого. Каждый день был на рабочем месте. Буквально до последних дней, пока не слег.

Начинал с Лазаревой субботы, ежедневно, вообще служил утром и вечером всю Страстную, потом точно так же — всю Светлую седмицу, и заканчивал это непрестанное служение только к Радонице. Но и так старался не пропускать ни одной из служб.

Владыка был очень мудрым. Всегда находил, что сказать. Много давал интересных комментариев. Однажды приезжает к нам дама-министр. А он ее и попросил о самом на тот момент насущном:

— Вот бы к празднику асфальт положить, — а то ни подьехать, ни пройти в дождливую погоду к храму было.

Это владыка еще по детству привык босиком — и по грязи, и по морозцу — в храм бегать, а ботиночки, чтобы не разбить да не

запачкать, уже прямо перед входом в церковь надевать. Он и потом всю жизнь, уже будучи архиереем, ходил в тонком сатиновом подрысничке да в кирзовых сапогах. И ни в какие морозы дополнительно не утеплялся. Но кому из нас сейчас такие подвиги доступны? О других-то он не то, что о себе, — заботился?

Так вот, дама-министр послушала архипастыря, да и разошлась: — Нету сейчас возможности! Где я вам технику возьму?

А он ей: — Я-то думал, ты такая добрая, приветливая. Улыбаться же всегда. А ты, оказываешься, злая... Не знаю, что с тобой делать даже...

И оттого, что он ей так это все просто сказал, прямо по-детски, — откуда ни возьмись вдруг и техника чуть ли не через 15 минут уже подкатила, люди какие-то засуетились сразу, что-то там разгребать стали, вот уже и пар от растапливаемого асфальта идет... Вот такие чудеса творились.

Из любого положения выход мог найти. С юмором ко всему подходил. Добрый он был архиерей. Любаший. Отец для всех.

Ничего своего у него практически не было. Какие-то разве что церковные принадлежности. А так все, даже свою пенсину, раздавал на нужды строящихся храмов. Как-то раз к нему пришел глава города, мы разговорились, сказали ему все, как есть: владыка ничего не копил, все на нужды храмов отдаст.

— Да у меня и родственников нету, — тут же отозвался Его Высокопреосвященство и шутя добавил: — А если буду копить деньги, то и родственники появятся.

У владыки Варнавы одно всегда наставление к священникам было:

— Батюшки, Господь все и всегда видит. Каждое наше действие, любую мысль. Если вы хотите служить, не читая правила накануне, или еще чего там делать не так... Помните: Бог поругаем не бывает. Накажет.

Богу владыка действовать предоставлял. А сам каждого священника любил все равно

что сына родного. Когда и поругает немножко, то по-отчески. Только если, конечно, кто-то серьезно провинится, — тогда прещения налагал. А так — старался, чтобы человек сам исправился. Молился за всех, особенно за духовенство. Опекал. Всех жалел. Это на себя он внимания не обращал обычно. Но для него это было принципиально. Всю жизнь — в молитве.

Первое лекарство владыка выпил ближе уже к 70-ти годам. До этого я его спрашивал, он отвечал:

— Я не знаю, что такое лекарство.

Это мы сейчас, чуть что прихватит, — сразу, мол, ой, мученики. А у него детство такое было: ни еды, ни одежды, притеснения, побои. Однажды, вспоминал, бежал в храм на службу вечером под Великий Пяток. Его поймали и начали дубинками бить за то, что в Церковь ходит. А он говорит: «Я вспомнил, как Господь страдал, и мне было совсем не больно». Те к нему подступают:

— От храма откажись, не ходи больше.

А он и отвечает:

— Нет, не откажусь.

Чистый ребенок, не мог слукавить. Так эти дружинники и отстали от него, и больше не препятствовали ему в храм ходить. «Били меня этими дубинками, — вспоминал, — а мне приятно было».

В Лавре, уже будучи монахом, отец Варнава каждый день на службы ходил. Братский молебен никогда не пропускал. Не опаздывал. Мы с ним всюду и потом по приходам здесь, уже в Чувашской епархии, колесили. Ни разу не помню, чтобы владыка на службу

опоздал и его кому-то ждать пришлось. Хотя было: однажды машина поломалась. Но это ведь один-единственный раз — за все 25 лет, пока я был с ним рядом. А так — всегда вовремя к службе подъезжал. На всенощном бдении владыка обязательно сам всех помазывал. А после литургии каждого прихожанина сам лично благословлял.

Перед литургией мы с владыкой непременно читали правило ко Причастию. Никагда он не нарушал постных дней. Был очень строг к соблюдению Устава. Даже при диабете он перед литургией все равно ничего не ел и даже лекарство не принимал.

К себе относился очень строго. Как монах всю жизнь и прожил. Домик у него был старенький, ничего особенного. Ни дач, ни дорогих средств передвижения не признавал. Любил свой «Жигуленок», семерочку. Только на совсем уж дальние приходы его возили на чем-нибудь посерьезней. А так, жил очень скромно.

Никагда не нарушал заведенного правила, чтобы опустить утренние или вечерние молитвы. Для него это было обязательно. До

последнего дня. Даже когда его уже в больнице в последний раз причащали, он настаивал, чтобы келейники правило ко Причастию прочитали. Хотя вообще-то в таком состоянии и без всяких молитв причащают обычно. Но для него это было принципиально. Всю жизнь — в молитве.

НИКОГДА НЕ СВЯЗЫВАЛ СВОБОДУ ЧЕЛОВЕКА, НЕ ВЛАДСТВОВАЛ НАД ЛЮДЬМИ
Протоиерей Михаил Павлов, председатель Епархиального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» г. Чебоксары:

— Владыку Варнаву я с самого детства знаю, еще с дошкольных лет. Отец у меня священник. Так что я и иподиакономствал у владыки в свое время, читал у него на служ-

бах. Он всем нам — отец. Мог, конечно, и пожуричь. Но как-то так, беззлобно. По-отчески. Тут же забудет. Улыбнется.

Всех всегда принимал. Даже на Страстной седмице, на Светлой. Хотя он в это время и служил утром и вечером, и службы длинные, уставные были. Ничего никогда не сокращал на своих службах, и других священников не благословлял ничего форсировать.

В алтаре всегда такое благоговение хранилось. Это вроде бы элементарно. Но простое мы и упускаем часто. А владыка как-то все умел поставить так, чтобы не перед ним трепетали, а Бога боялись, любили. Все остальное непрочно.

К нему всегда можно обратиться, прийти в епархиальное управление за советом. И в духовной жизни получить наставление, и даже по-житейски. И все он говорил из опыта богобогатства, молитвы. Утром служит, потом в епархию едет — принимает народ, вечером опять служит. И так каждый день. Вот это архиерей. И всегда с народом. Проповеди такие доходчивые для каждого говорил. Что-то простое, жизненное, что

каждому нужно. «Всех любить. И врагов, и благодетелей. Ко всем добрым быть — вот таким призван быть человек. Тогда и вас все любить будут».

Сами люди всегда поддержку своего архиерея ощущали. Добрый. Отзывчивый.

Божью Матерь очень почитал. Всегда наставлял полиелей, всенощные службы — читать Ее память особо. Акафисты читать. Как-то раз у него благословения просили привезти чудотворную икону Божией Матери «Всецарица», а он такие слова сказал:

— Конечно! Как же я не благословлю? Накажет еще меня. Обидится.

Преподобного Серафима Саровского очень любил. Его память зимой и летом особо торжественно отмечали. Рассказывал, когда еще только его моши после советского разорения второй раз обрели, сомнения его одолевали: «Точно ли это моши преподобного? Мало ли чьи там останки в запасниках музея нашли...». Стал молиться. А внутренне успокоиться все не могу». И вот, говорит, ему преподобный во сне явился:

— Это мои моши. Верь, не сомневайся, мо-

действительно ему оказалось все это уже не нужно. Открыто ему, что это было? Он всегда во все проблемы приходивших к нему вникал.

Помню такой случай. У нас у одного батюшки от матушки все врачи уже в один голос требовали прервать беременность: мол, болен ребенок, нельзя рожать. Пришла она к владыке:

— Что делать?

А он:

лись мне, — и стал невидим.

Но увидел он его во сне именно на том месте, где, оказывается, — на солее левого придела в Богоявленском Елоховском соборе, — его моши и стояли, пока их обратно в Дивеево не перенесли. Впоследствии пришел он мошам поклониться и изумился.

У владыки вообще таких вещей много было. И когда он еще был архимандритом в Троице-Сергиевой Лавре, ему как-то приснилось, что архиерей в Чебоксарах скончался, а Патриарх Пимен его туда отправляет. Встал утром, поспешил на братских молебен, да там, у мощей преподобного Сергия, действительно о кончине этого архиерея узнал... А после вышло так, что его на нашу кафедру как раз и назначили.

Я, кстати, в этом году в архивах поднимал документы, — удивительно, даже местные уполномоченные по делам религии у владыки Варнавы какие-то уважительные характеристики писали. Хотя сначала, конечно, те еще были бои. Как только владыка приехал сюда на кафедру, уполномоченный ему заявил, чтобы к нему только в светской одежде являлся, по приходам не ездил, кандидатуры на учебу в семинарию у него утверждал, проповеди также — только при согласовании, а также потребовал снять секретаря епархии и настоятеля Введенского собора и поставить тех, кого укажут. А владыка по всем пунктам дал ответ: увольнять он никого не собирается — «Они не у вас, а у меня работаю»; проповеди править: «У вас богословского образования нет»; точно так же как и «решать, кому в семинарии учиться, не ваше дело»; по приходам ездить он должен, как архиерей: «Это моя прямая обязанность»; а светской одежде у него давно уже нет: «Сами тогда ко мне приходите». Еще и припечатал: в Москве заявил, что здесь уже есть «управляющий епархией». Так его и уважали.

Владыка и в наше время у властей пользовался авторитетом. А народ-то его как любил. Он всегда все всем нуждающимся раздавал. Вот и недавно как-то позвонил: — Приезжайте, заберите, мне столько же надо. Раздайте.

Мы у него какие-то мешки картошки из кладовки погрузили, еще что-то. А ведь

ничего не надо делать. Все будет хорошо. Рожай.

На нее чуть ли в миллион раз подавали заявление. Медки просто неистовствовали: под вашу ответственность. А она, как владыка благословил, родила — здоровый ребенок. Уже вырос: 20 лет. Она и потом еще рожала. А если бы на аборт пошла?..

Всегда было так: как скажет владыка, так и надо поступать. Сделалось по-своему, жалеть будете. Помните, даже в книге «Не святые святые» написано, как Господь все владыке Варнаве мог открывать. Он никогда ничего никому не навязывал. У него просто спросит совета, он и ответит:

— Я думаю, надо сделать вот так.

А там уж твоё дело — как ты поступишь. Не давил. Просто как отец посоветует. Он никогда не связывал свободы человека. Старец-архиерей. Но никогда никакого диктата не было: мол, слушайте меня. Ни в коем случае. Не властвовал над людьми. Это самое низкое — порабощать за счет любого ресурса власти, тем более духовной.

Молитвенник. У него же в роду священники с XVII века. А каких он сам еще пастырей застал! Никаких тогда машин не было. Пешком за множество километров по любой погоде ходили, причащали народ. Конечно, когда есть образцы такой жертвенной любви, то и у людей ответно — горение веры, благоговение настоящее. Так и владыка наставлял: в любое время суток будьте готовы откликнуться.

Сейчас владыка Варнава преставился, а его смерть коснулась сердец даже людей, казалось бы, совсем светских, далеких от Церкви. Для всех он — значимый человек, родной по-своему.

Когда владыка почти 45 лет назад приехал в Чебоксары, тут всего-то три с лишним десятка их в 10 с лишним раз больше. 7 монастырей восстановлены, люди к монашеству потянулись. Чебоксарское епархиальное духовное училище открылось. Молодежь, сколько помню, тянулась к архиерею, это были совершенно разные люди, разных специальностей, но каждому он мог дать исчерпывающий ответ на его запрос. В 1990-е

годы владыка чуть ли не каждые выходные на службах кого-то в диаконы, во пресвитеры рукополагал. Библию на чувашский язык за годы его управления епархией перевели. Он стал просто духовным отцом всему чувашскому народу.

«С БОГОМ ВСЕГДА ЛЕГКО»
Протоиерей Александр Панзин, настоятель храма великомученика Георгия Победоносца в поселке Вурнары:

— Владыку знаю уже более четверти века. Был у него иподиаконом. После рукоположения, помню, я у своего духовника спросил:

— Как же мне, батюшка, жить теперь, чтобы всегда по-священнически поступать?

— Ты, — говорит, — смотри всегда на нашего владыку Варнаву, не ошибешься.

Он просто задает своим примером траекторию духовного развития. Как камертон: все, что по его благословению, — с волей Божией согласно. Сколько раз убеждался в этом приходилось. Просто смотри на владыку — и поступай, как он учит своей жизнью, словом.

Много за эти годы перед глазами было примеров жизни владыки со Христом. У нас недавно в епархии книга издана, которая описывает его жизненный путь. Ее название для нас точно девиз: «С Богом всегда легко».

Владыка Варнава для всех нас, священников, кого он рукополагал, — родной отец. Всех он нас, свое духовенство, паству, любил, вразумлял, как мог. Бывает, даже кто-то провинится, но не было такого священника, которого бы владыка полностью отверг. Даст епитимью для исправления, — исполнил ее, те, кто, конечно, хотел, возвращались. Все мы, безусловно, разные. Несмышленные, непослушные порою. Но все у нас в епархии было как в большой семье. С доверием и любовью друг к другу.

Когда два года назад у меня тяжело заболел, а потом преставился духовник, я подошел за благословением к владыке: — Как мне быть? А он сразу же отозвался: — Давай ко мне.

Это было очень благодатное время окормления у него. Все всегда прямо можно было спросить. Все его жизненные истории, которые он рассказывал, были всегда очень назидательны и полезны.

Помню, когда мы были с приходом в паломничество на Святой Земле, спросил нас:

— Откуда вы приехали?

— Из Чувашии, — говорим.

Люди как-то так отстраненно все воспринимают: это им ни о чем не говорит. А когда скажем:

— У нас там владыка Варнава, — все сразу же улыбаются, кивать начинают.

Помню, я как-то встретил одного еврея, он даже не крещен был, хотя и обиход уже множество христианских святых по миру. И вот, он выходит после службы, которую наш владыка возглавлял, весь потрясенный, и вид у него такой, как будто ему очень жарко.

— Чего еще искать, — говорим. — Вот старец. Люди, даже нецерковные, впервые увидев его, признавали за ним благодать Божию.

Или, помню, когда я еще только в семинарию в Казань ехал, встретил на вокзале каких-то бабушек-паломниц, разговорились. Опять же, вопрос:

— Откуда ты? — Из Чебоксар. — Не знаем. — У нас там владыка Варнава. — О! Владыку Варнаву знаем! — они его еще, оказывается, по Троице-Сергиевой Лавре помнили.

Когда он только приехал в Чебоксары, его на перроне встретили двое бородастых мужчин в светской одежде. А владыка в рясе вышел, с посохом. Окунул их взором... Им потом досталось. Все-таки для него мирская одежда на священнике была неприемлема. И это отнюдь не формальный вопрос.

У нас, у чувашского народа, твердая вера: наш архиерей — святой жизни человек. Многие и о его пророчности свидетельствуют.

Помню, после пяти лет моего священства владыка дал мне послушание, которое переименовало всю мою жизнь. Не скажу, что у нас сильно противился, — ослушаться я, разумеется, не мог, но внутренне роптал: не хотелось братья. Я ему, конечно, ничего не говорил, но и скрывать от владыки ничего нельзя было. Так что он меня сразу же приобидрил:

— Подожди-подожди, через несколько лет ты меня еще благодарить будешь.

И действительно, прошло несколько лет, владыка мне даже припомнил время от времени:

— А помнишь, ты меня ослушаться хотел? — я ему ничего не говорил об этом... — А теперь вот радуешься.

Наш храм великомученика Георгия Победоносца очень непростро строился. — в течение 14 лет. До меня там сменилось несколько настоятелей. Когда владыка меня сюда перевел, я ему сразу сказал: «Я неопытный». А он благословил нас еженедельно читать акафист святителю Спиридону Тримифунтскому. Владыка его очень почитал. Так вот, все эти последние 6 лет мы с приходом его и читаем. Так, с Божией помощью, храм и достроили.

У владыки была детская, прямолинейная вера в Бога. Ты доверялся ему, и все по его благословению получалось.

Владыка до последнего служил. Я приглашал его к нам на престольный праздник, а это было буквально за два дня до того, как владыка слег. Он уже, видимо, себя чувствовал не очень. Но не отказался, сказал: «Я подумаю». А потом уже от него позвонили, сообщили, что не может. Теперь уже владыка у Престола Божия молится за всех.

Подготовила Ольга Орлова

Первый вице-спикер Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Н.В. Федоров:

«Не люди умирают, а миры. Очень горько и больно соглашаться с этой фразой, дорогой владыка. Нам нужно сохранить Ваш мир, полный любви к Богу и людям. Мы будем помнить о Вашей мудрости, доброте, праведной строгости и христианском дерзновении, готовности совершать смелые поступки ради Бога. Вся жизнь владыки Варнавы, все его дела жидились на смирение и любовь. Мне повезло много лет плодотворно работать с нашим дорогим владыкой. Его очень хорошо знали далеко за пределами Чувашии. Поэтому сегодня вместе с нами скорбит весь православный мир».

НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ БЫТЬ!

12 июня наша страна отмечает один из главных государственных праздников – День России, который символизирует мощь и величие государства, объединяя всех, кто гордится прошлым нашей родины, ответственно строит ее настоящее и уверенно смотрит в будущее. Что объединяет нас, помогает нашему народу пройти через невзгоды, выстоять, сохранить себя в суровых испытаниях и ответить на любые вызовы времени? Об этом расскажут публикации в нашей новой рубрике «Национальный вопрос России»

Сегодня Россия в поиске общенациональной идеи, причем такой, которая бы сплотила и общество, весьма неоднородное по своей структуре, и наше многонациональное государство. Может ли стать такой базовой идеей Православие? Какова роль Церкви в государстве и обществе? Немало чего уже сказано было о «нравственном государстве», но о какой нравственности идет речь и с какими подменами и ловушками на этом пути мы можем повстречаться? В чем смысл истинного патриотизма, и как он сочетается с христианством? Наш собеседник кандидат исторических наук, доцент кафедры истории церкви исторического факультета МГУ Павел Кузнецов считает, что во многом ответы на эти вопросы может подсказать нам опыт византийской цивилизации. Почему этот опыт так важен? Всему этому и посвящена прилагаемая с ним беседа.

ИДЕАЛ И ИДЕОЛОГИЯ

— Павел Владимирович, поиск нашей национальной идеи ведется уже довольно продолжительное время – по крайней мере, столько, сколько существует постсоветская Россия. Многие задаются вопросами: что должно быть основанием нашей государственной политики? Какова миссия России? В последнее время, читая книги и статьи, смотря телепрограммы, я заметил, что некоторые эксперты предлагают в качестве такой национальной идеи Православие. Правы ли они? Может ли Православие быть основой государственной политики? Есть ли в этом рациональное зерно? Ведь Православие – это не идеология. Другие эксперты не согласны с этим мнением, предупреждают об опасностях такого выбора. Как разобраться во всем этом?

— Чтобы разобраться во всем этом, я предлагаю обратиться к византийскому опыту. Тысячелетняя история православного царства позволяет понять и суть этого спора, и те подходы, которые здесь возможны. Но прежде всего надо понять вот что: есть идеология и есть идеал – нельзя их смешивать. Православие всегда было идеалом и для византийского государства, и для византийского общества. И идеалом, не идеологией, Православие остается для всех христиан во все времена – здесь никакого предмета для спора нет. Иное дело идеология.

Идеология возникает там, где идеал начинает играть техническую роль, роль некоего инструмента сплочения общества, сплочения нации, то есть фактически вводится в политическую плоскость. Собственно идеологии и возникают на фоне отхода от религии – в XVIII, XIX, XX веке, особенно в XX

веке, когда государство пытается сплотить нацию на основе нерелигиозных институтов, нерелигиозных ценностей, когда идеал утрачен. Тот идеал, который ранее являлся даже не государственным, а общенародным стержнем сплочения – стержнем, на котором держалось национальное самосознание – национальное в широком смысле слова, а не этническое. Имперское, если говорить о Византии, народное, общенародное.

— И чем отличается этот, как вы пишались, стержень от институтов?

— Идеал не может быть средством для манипулирования, им нельзя двигать, им нельзя пользоваться, он существует как данность – как данность самоценная. Более того, самая высшая по своей ценности. И это то, что вне политики, вне государства. Это вообще краеугольный элемент византийской системы общности. Государству уделено свое место в Церкви, но государство не пользуется идеологией; для сплочения народа оно опирается на традиционные ценности, ключевой из которых является, конечно, патриотизм, любовь к родине, то, что еще в Древней Греции считалось основой любого общественного организма, «филия» – братская любовь людей друг к другу и любовь к своей стране, к своей земле, своему Отечеству. Та любовь, которая заставляет их жертвовать своими личными или семейными интересами в пользу общества, которая создает общественный организм. Но это не идеология. Это некие базовые ценности, которые освящены многовековой историей, и они сплачивают людей как политическое сообщество.

Совершенно другая задача у Церкви.

— Какой она видится Вам?

— Церковь принимает политическое общество как данность, как бы получает его из рук государства – для того, чтобы вести дальше. Она показывает людям тот высокий идеал, к которому люди стремятся, – идеал Царствия Небесного. И очень важно, что Церковь не манипулируется государством, она никаким образом не связана с ним ни дисциплинарно, ни даже законодательно. Это очень важный момент! С самого начала служения апостолы, как и Сам Господь заповедовал это, строили некое неотмирное общество. Оно было не от мира сего. Они создавали Церковь как организацию, которая по сути своей не мирская. Это очень важно не упускать. И Сам Господь говорил апостолам, что если мир возлюбит вас, то, значит, вы утратили свою основную задачу, то есть плохо с ней справляетесь. Мир должен реагировать на вас болезненно, потому что мир

болен, и вы, как врачи, исцеляя его, причиняете ему боль, приносите какие-то даже страдания. Эти страдания во благо, и очень важно не идти на поводу у мира, не действовать так, чтобы было комфортно...

Задача Церкви очень сложна: она существует как бы в обществе, в государстве, но при этом часто действует как бы вопреки принятым в этом государстве, в этом обществе традициям, обычаям, потому что она стремится исправить то, что как бы перешло в некую деградировавшую стадию. Это функция излечения, врачевания общества, которую выполняет Церковь, в принципе делает Церковь не общественной, внеобщественной.

И все то, о чем я говорил, принципиально отличает византийскую систему общественного мировоззрения от новозарожденной, которую мы фактически имеем.

— А чем характеризуется новозарожденное мировоззрение? И чем оно принципиально отличается от христианского?

— В новой Европе, начиная с XVIII века, с эпохи Просвещения, во главу угла ставятся два элемента. Во-первых, национализм – nation, people. Во-вторых, идеология – нечто квазирелигиозное, что у нас в стране совсем в недавнее время господствовало, но выросло это не на нашей почве, а было получено нами извне. Эти два элемента – как раз яркие признаки разрушения той системы Константина, которая лежала в основе византийской цивилизации, и не только византийской, но всех христианских государств Востока и Запада. На эту систему – конечно, *mutatis mutandis*, то есть с определенными отклонениями, – опирался и Карл Великий, строя свое королевство, и средневековые государи Европы и Англии, и наши великие князья и цари. Везде была своя специфика, но в основе всегда лежала одна и та же идея. Политический уровень сплочения людей – это только первая ступень. Все понимают, что люди являются потомками одного праотца – Адама, что они, по сути, братья. И потому следующий уровень – это уже ступень рода человеческого, на которой люди спланиваются уже вокруг религиозных ценностей, вокруг ценностей не мирских, для того, чтобы потом предстать на Страшном суде, следуя путем в Царствие Небесное. Этот общечеловеческий уровень всегда был виден в христианстве.

— Можно говорить, что христианство – это и есть настоящая глобализация?

— Христианство и возникает как глобальная общечеловеческая религия. И поэтому всегда остается некоторая драма: когда возникают политические конфликты между христианскими государствами, это по сути своей братоубийство. Поскольку христиане всех единоверцев, да не только единоверцев, но и не единоверцев тоже, почитают своими братьями, то любые формы политических конфликтов являются в христианской системе ценностей тяжелейшим грехом. И никакой патриотизм не может оправдать такого рода войны.

— Но в ветхозаветные времена народ Божий вел войны...

— Это совсем иные войны. Народ Божий в ветхозаветные времена мог вести войны с язычниками, и это было богоугодные войны. Но эпоха Откровения, эпоха Благодати переводит человечество на совершенно новый уровень отношений – уровень, который в идеале должен вести к отмиранию политических форм, к распространению форм некоего общечеловеческого братства. То, чего люди жаждали во всей христианской ойкумене. Эта идея в свое время вдохновляла гуситов, эта идея вдохновляла даже наших предков, когда они строили Интернационал, она принимала самые разные, чаще всего совершенно уродливые формы, но взята она именно из христианской традиции.

И вот в чем трагедия современности: мы часто путаем идеологию и идеал. Сейчас много разговоров идет о том, что России нужна идеология. И я согласен с тем, что в политической сфере, сфере государственной это может быть только одна система – система нравственных корней, связанная, прежде всего, с любовью к семье, к своим близким и дальним соотечественникам. Это то, что называется словами «любовь к родине», «патриотизм». Все, что за эту сферу выходит, – это то, что мы уже проходили, то есть это уже квазирелигиозные формы, и если они будут развиваться на политическом поле, они приведут к трагедии.

Но то, что выходит за политическое измерение, должно корениться в церковной религиозной сфере, и оно по определению должно иметь общечеловеческий, общемировой, всемирный характер, где уже нет деления на народы и государства, на нации, расы, где

нет понятия и места даже экономическим интересам и всему прочему. Эта двухуровневая система – единственная жизнеспособная, как, собственно, и показала практика византийской империи.

И наша задача сейчас – эту систему объяснить, чтобы не было иллюзий, что можно сделать православное государство, что существует некий православный патриотизм, что существует понятие «священной войны», когда мы можем отстаивать свою религию, убивая другие народы, и т.д. То же самое касается экономических интересов в этой духовной сфере; эти вещи тоже невозможны с точки зрения системы нравственных ценностей, но высшей системой ценностей является система, заданная в Новом Завете. И эта система объединит всех людей на земле в целом, потому что она нацелена на преодоление тех грехов, которые приводят к разделению людей, к ненависти, ко всему тому, что так мучает род человеческий вот уже не одно тысячелетие. Общечеловеческое всегда было главным в христианстве.

НРАВСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО: КАК НЕ ПОПАСТЬ В ЛОВУШКУ

— Есть концепция «нравственного государства». Что вы скажете о ней?

— Слово «нравственность» – ловушка. Нравственно то, что принято; принято то, что утверждено законом; закон кем-то положен, так ведь? Существует такое русское слово «положен»: положено, не положено, закон о положении... Все это некие человеческие установления, а если эти установления безнравственны с религиозной точки зрения? Государство все равно обязано их охранять, это его функция, и так государство превращается в защитника зла, в защитника греха. Сплось и рядом это было в мировой истории, но классический пример – Содом и Гоморра. Там были вот такие нравы, это было «нравственно», потому что, с их точки зрения, это все было как и положено. Но мы же понимаем, что это был грех!

Нравственно может быть только религиозное мировоззрение, потому что религия выше понятия «положено»/«не положено», «принято»/«не принято». Это Богом заданная система, не подлежащая пересмотру. И в этом смысле государство фатально зависит от религиозной системы ценностей. И вот почему. Государство, предоставленное само себе, в определенный момент начинает деградировать – это свойственно всем живым и неживым организмам, закон возрастания беспорядка в системе, к сожалению, носит универсальный характер, и любое государство деградирует. Поэтому должна обязательно существовать вне его некая независимая от государства сила, которая придает ему нравственный характер.

И крах античного мира, между прочим, начался тогда, когда государство стало нравственным. Когда мерило нравственности стало не равно человеку, который, как император, лично отвечал за нравы в своем государстве. Ведь не просто так римляне восклицали: «O tempora! O mores!» – «O времена! O нравы!» Нравы, эти mores того времени были такими, что спасайся кто может. А куда бежать, если мера нравственности – это император, а он представляет собой чудовище на троне? Более того, это чудовище еще и бог в той религиозной системе. Из этого тупика спасения внутреннего не было – спасение пришло извне, через Откровение. И тогда буквально в течение двух-трех веков система выправилась, и римское общество, которое все считали безнадежно больным и погибающим, вдруг в IV веке обретает новое дыхание, обретает новую нравственную жизнь и сохраняет ее с Божией помощью в течение многих веков.

Другое дело, что этот упадок не был остановлен раз и навсегда, он продолжался с каждым поколением, все надо было начинать сначала. То же самое можно сказать о нашей любимой родине, которая когда-то была Святой Русью.

Тем не менее, сам по себе этот процесс нравственного совершенствования человечества с помощью Закона Божиего дал удивительные результаты. Они видны каждому хотя бы по тому сонму святых, которых не

было в начале времени христианского и которых сейчас тысячи. Это тоже такой духовный, если угодно, капитал, фонд, который очень помогает в дальнейшем в исправлении всяких нравственных проблем.

Но возвратимся к идее нравственного государства. Это утопия, точнее – не утопия даже, а путь все к той же идеологии. Кстати, с этого начиналась и советская власть: она выстроила свою систему нравственности. Надо понимать, что нравственность – это то, что выстраивает само государство, и любое государство нравственно в своей системе координат. Только вот как к этому относиться с точки зрения религии? И здесь ислам у нас на глазах дает бой западной цивилизации.

Что и случилось с Византией в XV веке. Разделение – это не просто какая-то политическая борьба. Это, прежде всего, расщепление на уровне ценностных координат, когда появляются люди, которые одно и то же поведение по-разному маркируют: то, что для одних – грех, для других – добродетель. А ведь это расщепление часто уживается в одном человеке, это такая своего рода нравственная шизофрения. Человек понимает, что это грех, но считает, что это его право. Такое состояние человеческой души, кстати, уже было в античности. И оно не имеет иной возможности к оздоровлению, чем через некую внешнюю религиозную нравственность.

— Поясните, пожалуйста, вашу мысль.

— Западная цивилизация выстроила свою систему нравственных общественных норм, а ислам показывает ей, что у него свои нормы. И мы видим, как абсолютно лишняя политическая поддержка исламская стихия, за которой не стоят ни деньги, ни армия, побеждает западноевропейцев – побеждает именно своей нравственной непоколебимостью. Европейец ведь чувствует некую тревогу, некую неуверенность на этом нравственном поле. Нравственная система, в которой он сейчас живет, отличается от той, в которой жили его предки, она новая, и он считает ее своим достижением, он добился этих изменений, определенных прав для человека, добился освобождения его от некоей скорлупы, скажем так, моральных норм. И что же? Ощущение неуверенности в себе не покидает европейца. Это трагедия для целого континента.

Эта же трагедия ждет и нас, если мы потеряем свои нравственные координаты, потому что это означает духовное расщепление, а царство разделенное само по себе не

ГОСУДАРСТВО КАК ЛЮБОВЬ И ЛЮБОВЬ К СВОЕМОУ ГОСУДАРСТВУ

— Павел Владимирович, в последние пару лет мы видим возрождение чувства патриотизма в России. Где грань, отличающая здоровое проявление этого чувства от ура-патриотизма или патриотизма ради патриотизма?

— В патриотизме есть одна очень большая опасность, я бы даже сказал – соблазн: гордыня. Можно ведь превратить патриотизм в ощущение собственной избранности, собственной величия, заданного изначально: «мы великие, мы русские, с нами Бог». Но такое Господь не оставляет безнаказанным. За эту национальную имперскую гордыню в свое время пришлось дорого заплатить и Римской империи, и Византии, и всем имперским государствам, которые утрачивали понимание сути этого явления – любовь к родине. Любовь к родине основана не на презрении и ненависти к другим, не на ощущении собственного величия или какой-то особой миссии и подобном, а прежде всего

на ощущении собственной ответственности за то, что дал Господь. Ответственности за ту страну, за ту территорию, за то политическое могущество, которое дал Господь. Для чего? Не для того, чтобы угнетать, эксплуатировать, унижать другие народы. А для того, чтобы служить в меру сил всем, служить зависящим от тебя общественным силам, служить порученным тебе народам – и привести их к нравственному совершенству. Это некий такой семейный тип отношений. Вот как в семье родители любят детей, так и византийцы старались себя вести так, чтобы любить те народы, которые так или иначе оказались от них зависимыми. Это, конечно, далеко не всегда удавалось. Это требует очень серьезного внутреннего, я бы сказал, подвига политика, потому что где в таком случае выгода? Почему нас всегда удручают такие правила: если мы кого-то подчиняем, мы должны получить определенную выгоду; если мы вложили свои средства, то должны получить прибыль; если мы выиграли войну, то должны получить дань... Собственно говоря, почему и пришел Спаситель в мир – чтобы отменить эту мирскую логику, глубоко порочную.

Византийское государство своей системой воспитания и стремилось отучить людей от такой логики. Приучить к тому, что господствует, прежде всего, ответственность, что царство – это, прежде всего, служение. И политическая элита Византии воспитывалась именно в таких категориях. И потом русская политическая элита унаследовала это понимание власти: власть – это не способ отграбить, а определенный инструмент воспитания, то есть это фактически служение. И эта идея одухотворяла всех наших политиков вплоть до Николая II. Более того, и в советское время это господство, которое зримо являлось в советском режиме, использовалось не для разграбления зависимых от Советского Союза народов, а, напротив, для их развития.

Это сейчас воспринимается как аномальное поведение, потому что мы смотрим с точки зрения века сего. Но стратегически только такое поведение и выгодно. Ведь подлинная выгода состоит не в сиюминутных прибылях, а в том ощущении некоего общего в целом, которое формируется лишь в результате любви сильных к слабым и ответной благодарности слабых к сильным. Собственно, идея такого нового политического механизма, основанного в том числе и на любви – на жертвенной любви, что важно, потому что любовь без жертвы – это не любовь – повторюсь: основанного на любви сильных к слабым, господствующим к тем, над кем они господствуют, создает новую империю, новое общечеловеческое братство, что ли, где, конечно, будут сильные и слабые, богатые и бедные, но при этом – и тут очень важный момент! – сильные помогают слабым, а богатые опекают бедных. И чтобы было ощущение взаимной общности, которая может быть основана только на любви к Богу и выходящей отсюда любви людей друг к другу. Эта та задача, которую ставила перед собой византийская цивилизация, но в силу определенных исторических и прочих особенностей она не была реализована.

И она перешла как эстафета к русской цивилизации, и перейдет как эстафета потом к какой-то другой цивилизации. Вот это глобальная задача Православия в политическом плане. Не построй Царствие Небесное на земле – это тоже ошибка, но сплотить людей и изгнать из мира ненависть, изгнать по мере сил грех с Божией помощью. И это вполне достижимо для человека. Более того, если мы посмотрим даже на статистику, то увидим, что очень много сделано в этом направлении. Мир сейчас действительно гораздо нравственнее, чем 2000 лет назад, гораздо гуманнее, гораздо просвещеннее, гораздо ближе к Богу. Это факт. Но точно таким же фактом является и то, что можно в момент скатиться с этой невысокой ступени в такую пропасть, о которой лучше даже и не думать.

Беседавал монах Рафаил (Понев), pravoslavie.ru

Послесловие к публикации:

Редакция газеты рассматривает данную статью как первую в ряду возможных публикаций, внося тем самым свою лепту в конструктивную дискуссию о том, какой все же быть национальной идее России.

ВЕЧНАЯ РОССИЯ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

10 июня исполнилось бы 90 лет Илье Сергеевичу Глазунову – выдающемуся художнику, общественному деятелю, мыслителю и патриоту России, который, по слову Святейшего Патриарха Кирилла, «на протяжении всей своей творческой деятельности стремился донести до зрителя смысл и красоту Евангельского послания миру». Он родился в Ленинграде, пережил блокаду города, потерял семью, жил и работал в Москве, основал и руководил Российской академией живописи, ваяния и зодчества, был полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством». Своими воспоминаниями об отце делится его сын художник Иван Глазунов

■ Мои первые воспоминания об отце связаны с его известной башней-мастерской в Калашном переулке. Запах растворителя, винтовая лестница, иконы, бесконечный поток людей, разрывающийся от звонков телефона. К папе в мастерскую стекались священники, писатели, реставраторы, режиссеры, оперные певцы... Чтобы поговорить, посмотреть на картины и, конечно, взглянуть в удивительные живописные иконы – редкая в 1970-е возможность для многих людей, живших в официально атеистическом государстве.

■ Родители были не коллекционерами, а собирателями. Они ездили по ближайшим от Москвы городам – в Ростов Великий, Переславль Залесский – и спасали иконы: в то время царила разруха и полный произвол, церкви превращали в городские бани. Бывало, родители договаривались со сторожем и за бутылку спасали то, что можно было спасти: уносили иконы на себе – у них еще не было машины. Однажды большую икону святого Георгия Победоносца они вдвоем несли десять километров, пока не дошли от храма до шоссе.

Во время этих поездок родители, рожденные в Петербурге, смогли узнать настоящую Русь. Московский Кремль, Ростов, Ярославль, Поволжье дали отцу новый порыв вдохновения для творчества, он стал экспериментировать со стилем на основе языка иконы. Появилась серия картин с аппликацией («Борис Годунов», «Царевич Дмитрий», «Русская красавица»), где были использованы ткани в сочетании с живописью. Эта серия картин была наиболее пронзительна в те годы – она сделала ему имя: зритель в Москве не видел такого прежде.

■ У меня в школе – пионеры, комсомольцы, за окном моей комнаты – демонстрация трудящихся с транспарантами. Как же все диссонировало с тем, что было в нашем ковчеге, внутри мастерской на Воздвиженке! Мне трудно было это осознать и оценить в детстве, но сейчас я понимаю, что все впитанное мною в детстве дало мне ту опору, на которой я стою и сейчас.

Помню, мы с сестрой дома наблюдали, как при реставрации оживает образ, как из-под черного слоя старой олифы вдруг будто из ничего появляется изображение лица, нимба, голубого неба – это самые незабываемые впечатления детства.

■ Для нас было редкостью ездить куда-то вместе. При всей своей искрометности и зажатости папа с нами, с детьми, был чаще веселым, но иногда сдержанным и чопорным. Мы редко вместе путешествовали, поэтому я так хорошо помню нашу с ним единственную поездку вдвоем – в Суздаль и Владимир.

Помню, как мы неслись на его жигуленке, параллельно его кто-то снимал для фильма. В той поездке он научил меня плавать: вместе со мной переплывал речку Каменку в Суздале, которая сейчас мне кажется ручейком, а тогда представлялась чрезвычайно широкой полноводной рекой. Папа тогда больше делал вид, что плавает, – эту реку можно было перейти вброд. Помню, как мы с ним сели на другой стороне реки, где местные мальчишки ловили рыбу. Я полез в ведро и меня за руку укусила щука. До этого момента я не видел живых рыб.

Потом он часто вспоминал эту поездку и рассказывал мне, как я попал на территорию музея деревянного зодчества и, пораженный, стал часто дышать, будто страшно чем-то взволнованный. Папа сказал мне: «Когда я увидел твою реакцию, сразу понял, что эта тема будет твоей. Твоим интересом и любовью». И что-то он действительно угадал, потому что та поездка особенно запала мне в душу.

■ В нашем доме почти всегда звучала музыка, «Всенощная» Рахманинова или Мария Каллас – папа очень любил итальянскую оперу. Отец собирал старинные вещи, книги. Я довольно рано стал читать те фолианты, которые сейчас дают листать только в белых перчатках. «Древности Российского государства» Федора Солнцева, Энциклопедия Брокгауза и Ефрона – эти книги хранились в его мастерской.

■ С детства отец постепенно подключал меня к работе. С пяти лет у меня была обязанность проводить гостей по мастерской, рассказывать им про папины картины и собранные иконы, заправлять пленку и показывать фильм про него, снятый Павлом Русановым в 1976 году.

Когда я стал учиться в художественной школе, папа стал привлекать меня делать что-то серьезное. Давал мне задание – сделать фон, написать небо. И мы все помогали.

Мама-художник тоже принимала участие в создании многих картин. Идею с бисером, тканями, жемчугом в оформлении полотен они создали вместе, отталкиваясь от древнерусских традиций, смотря на оклады икон. И я там что-то клеил, помогал. Конечно, в подростковом возрасте мне хотелось куда-то сорваться, уйти, но я всегда знал о тех обязанностях, которые были закреплены за мной. Это был элемент воспитания.

Достаточно рано отец приобщал меня и к тому, чтобы делать экспозицию выставки. «Вот, Ванечка, расставь картины в Манеже, а я приду через час и посмотрю», – давал отец мне задание. Он приезжал вечером, и мы до 4-х утра доводили экспозицию до ума. Эта школа очень помогает мне сейчас.

■ Однажды я нашел на одной из московских мусорок старинный сундучок и еле притащил его домой. Вы не представляете счастье Ильи Сергеевича, когда он увидел меня и мою добычу в виде ларца XIX века! Он тогда понял, что и я вижу ценность в

старинных вещах, разделяю его интересы, и был страшно этому рад.

А еще, помню, я нашел фотографию Николая II в разбитой рамке, но кто-то из ребят во дворе силой отобрал мою находку. Я пришел домой с фингалом и слезливо рассказывал папе о произошедшем. Он выслушал и ответил мне: «Сейчас я выйду к этим ребятам и попрошу, чтобы они поставили тебе еще один фингал», – так он учил меня отстаивать то, что тебе дорого. Это отстаивание было во многом смыслом его жизни.

■ Отец стоял у истоков общества охраны памятников. Мне пять, сносят храм, я сижу в ковше бульдозера, придел уже снесли, видно росписи центральной части церкви, а Илья Сергеевич пишет на стене: «Руки прочь от наших святынь!» Эта борьба никогда не прекращалась: если не помогли действия, он вел пропагандистскую работу с душами людей. И его слова находили отклик – потом многие занялись этой темой профессионально.

■ Мне было 17 лет, когда Илья Сергеевич начал писать свою известную картину «Христос Воинствующий». Ему тогда не хватило холста, и он попросил нарастить его. Я должен был включить изобретательность, чтобы успеть выполнить задание к утру. В итоге я даже сделал набросок, который помог папе закончить работу на следующий день. Эти задания были сложными, но очень бодрили, заставляли думать.

Такую технику встряски отец применял и к своим студентам мастерской портрета Суриковского института. Мы приходили рано утром, (опаздывать было нельзя) и сидели за работой весь день. Одиннадцать вечеров, на дворе зима, мороз, кто-то боится не успеть на последний поезд метро, как вдруг влетает отец, приводит девушку, ставит ее в позу Венеры Милосской и дает задание: за полчаса написать портрет. Все сразу просыпаются, распрямляются и делают бодрый эскиз несуществующей картины. В тот вечер все расходилось, вдохновленные новым сюжетом.

■ Однажды, когда я уже учился в Суриковском, папа пришел на урок с муляжным пистолетом и сказал, что у нас осталось 20 минут жизни, и мы должны сделать последний эскиз картины, без которого не сможем умереть. Надо было собраться с мыслями и сделать что-то большое, значительное.

Он умел побудить студентов работать.

Помню, как отец собирал всех в своей мастерской, я носил сосиски из ресторана «Прага», а они читали запрещенного Бердяева, поэтов Серебряного века, смотрели привезенные им из Италии альбомы с работами Микеланджело. Как он в шутку пояснял, это было «добровольно-принудительное вливание культуры». Студенты очень любили эти встречи, моменты общения.

■ Отец был чрезвычайно активным, терпеть не мог вялости. Однажды, до того, как я сам стал студентом его курса, он взял меня на практику к студентам в Петербург (папа часто брал меня с собой в такие поездки, хотел, чтобы я был с ним рядом) – они должны были вместе с ним ехать в Новгород и Псков на автобусе. По-барски накормив студентов завтраком в отеле, Илья Сергеевич вдруг узнал, что автобус сломался и поездка отменяется.

Получив это известие, он выбежал на улицу в красивом шейном платке и оглушительно свистнул в два пальца, остановил пустой туристический автобус, проезжавший мимо. Папа подлетел, открыл водительскую дверь – секунда разговора, и он уже машет студентам: «Господа, заходите, едем!»

В той поездке мы посетили Псково-Печерский монастырь, встретились с монахами, нас провели по пещерам, мы побеседовали с известным тогда отцом Нафанаилом. В Новгороде посетили Юрьев монастырь, Ильмень-озеро – путешествовали по плану, известному одному лишь Илье Сергеевичу.

Когда руководство Суриковского института узнало о нашем «паломничестве», провело специальное собрание. Однако отцу удалось убедить всех, что монастыри – это русская история, которую надо знать студентам. Вопросов больше не было.

■ Когда не стало мамы, ему постоянно была нужна моя поддержка. Наши отношения с отцом стали еще теснее. Он был и величественным, и острым, и энергичным, и ранимым. Чаще всего он нас сквозь видел человека, но иногда доверчиво верил и обманывался – и тогда расстраивался как ребенок.

Помню папу и в день смерти. Вижу его в немощи, понимаю, что совсем скоро состоится его новое рождение для вечности. Оля с Глашей, его маленькие внучки, сидят рядом с ним, держат за руку. Феденька включает ему Марию Каллас на планшете. Он искренне удивляется, что это за прибор исполняет его любимую арию «Casta diva». За окном дождливое лето, качаются деревья, он показывает пальцем и говорит: «Вот, Россия. Там красиво. Надо бороться за Академию». После этого он тихо и мирно отошел к Богу.

Я привык видеть его в силе, в яростном сопротивлении, прижигающим взглядом – а тут другой человек, готовый к чему-то совсем иному. Это воспоминание мне дорого не только тем, что оно последнее, но и напутствием, обозначившим все, что он любит в жизни. Отец для меня – пример верности себе и своему делу.

■ А вот самые дорогие для меня детские воспоминания об отце – почти статичные, словно картина. Лето. Овес. Мы с папой за руку идем через поле. Зной, жажда – но я терплю, не жалуясь. Не хочу портить момент. Хочу все дальше идти с отцом...

Подготовила Анастасия Бабинова